

• Как создаются мифы

Рос. муз. газета. — 1998. — № 2. — С. 5-6

На путях возрождения народной музыки, или назад к интернационалу?

Читая статью Т. Левина "Дмитрий Покровский и русское движение возрождения фольклорной музыки" (см.: РМГ, № 11, 12 за 1997 г. и № 1 с. г.), невольно вспоминаешь древнюю формулу: о мертвых или хорошо, или ничего. Статья построена в форме развернутого комментария к фрагментам из бесед автора с Д. В. Покровским, состоявшимися незадолго до преждевременной кончины последнего, и это невольно вызывает желание отнестись с полным доверием ко всему, что в ней изложено.

Однако читатель, ожидающий найти в статье известного этномузыколога объективную и емкую оценку творческой деятельности Покровского, очень скоро оказывается разочарованным. Недоумение возникает сразу же, как только погружаешься в текст статьи и наталкиваешься на лексико-терминологические обороты, крайне неожиданные для стиля этномузыколога-профессионала. "Имперская культура", "имперские ансамбли", "избыток милитаристской помпезности", "национализм", "популизм", "фашизм" — такие термины более подходят политической публицистике, нежели культурологическому очерку. На языке нетерпимого политиканства весьма затруднительно обсуждать животрепещущие вопросы культурной жизни.

Вместе с тем, язык статьи далеко не случаен. Как это ни парадоксально, но он напрямую связан с теми позициями, с которых автор рассматривает и обобщает плоды творческих усилий Д. В. Покровского и его ансамбля.

Оказывается, для Т. Левина Покровский, человек, возродивший в русской культуре понимание ценности истинного звучания народного пения, является в первую очередь последовательным и непреклонным борцом с национализмом. С русским национализмом. Цитирую: "Мы не пели РУССКИХ (так в статье. — Н. Д.) народных песен — мы исполняли песни смоленские, белгородские, донских казаков. Интеллигенция не приняла бы нас, если бы мы представляли русскую музыку как "вообще русскую". Мы — и наша публика — были далеки от национализма". Программы концертов тоже составлялись таким образом, чтобы национализм оставался как можно дальше: "Если поем ее (казачью песню. — Н. Д.) и мы, так это работает против национализма. Мы исполняли эту песню среди прочей музыки, как часть многогранной культурной традиции". Поскольку "национализм — это истолкование, а не качество, изначально присущее фольклору".

Собственно, именно пафос нетерпимости к национализму и определяет замысел статьи и ее основные конструктивные особенности. А посему давайте разберемся, действительно ли национализм — исключительно негативное явление, с которым требуется немедленное и полное размежевание?

Как известно, без таких понятий, как "нация", "национальный", "национализм", трудно обойтись, изучая и познавая явления культуры. Особенно хорошо это известно тем, кто по роду своих занятий так или иначе соприкасается с этнологией. Однако именно этим людям известно лучше, чем, может быть, другим, насколько область национального подвержена всевозможным искажениям и инсинуациям.

Нельзя не признать, что именно для многонародной (и в этом смысле имперской), глубококонтинентальной России проблема национализма является одной из исторически важных проблем. И возникла она отнюдь не в XX веке, а значительно раньше. Формы этнического обожествления складывались здесь веками, приравливаясь или существуя вопреки тем или иным государственным рекомендациям. Проблема сохранения себя, своей культурной неповторимости для этносов, населявших огромные пространства России — Евразии, существовала всегда. Это стремление этносов к самосохранению, самовыделению среди других этнических образований нередко принимало характер, так сказать, естественного национализма; такой национализм в сути своей отличается от националистических форм, которые возникли в Европе в XX веке.

Вряд ли случайно в начале 1920-х годов аспекты национализма стали предметом специальных размышлений ученых, образованных в направлении евразийства. Одна из статей выдающегося филолога и лингвиста кн. Н. С. Трубецкого названа "Об истинном и ложном национализме". По Трубецкому, "истинный национализм является безусловным положительным принципом народа". При чем "истинным, морально и логически оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытной народной культуры или направлен к такой культуре". Цель такого национализма — самопознание и основанное на нем культурное строительство: "Народ познал самого себя, если его духовная природа, его индивидуальный характер находят себе наиболее полное и яркое выражение в его самобытной национальной культуре и если эта культура вполне гармонична, то есть отдельные ее части не противоречат друг другу. Создание такой культуры и является истинной целью всякого народа". Трудно не согласиться с Трубецким, когда он говорит, что "истинного национализма в послепетровской России еще не было. Большинство образованных русских совершенно не желали быть "самими собой", а хотели быть "настоящими европейцами". На этой почве благополучно сохранялась дисгармония российского культурного бытия, кстати, очень чутко подмечавшаяся иностранными путешественниками. Неспособность России стать настоящим европейским государством питала презрительное отношение некоторых социальных слоев к своей родине. "Поэтому, — заключает Трубецкой, — большинство русской интеллигенции до самого недавнего времени сторонилось всякого национализма".

Так же, как и русская интеллигенция в недавнем прошлом, Т. Левин в наше время сторонится всякого национализма, как, впрочем, и проблем этнического самосознания. Для Т. Левина всякий национализм есть национализм отрицательный, со знаком минус, как порождение культурной политики определенного государства. Для него и в деле возрождения фольклорной музыки важен в первую очередь протест против государственной политики, но вовсе не заметны начала созидательного культурного творчества. Поскольку фольклору, по Левину, чужды какие бы то ни было признаки национальных различий, так как фольклор — явление природное, возникающее по естественногогеографическим причинам. Поэтому автор считает, что образцовой фольклорной формой должна быть признана народная культура Полесья, где фольклорный "репертуар национально не идентифицируется", где просто поют песни, не поясняя, чьи они — русские, белорусские или украинские.

(Окончание на 6-й стр.)

На путях возрождения народной музыки, или назад к интернационалу?

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

Следуя логике автора, видимо, это идеальное единение нужно признать интернациональным. Но как же быть с тем фактом, что именно зона Полесья — это запредельная зона архаичной фольклорной культуры, сложившейся в давние времена, когда только зарождался этногенез народов Восточной Европы? Идеал интернационала — опасный идеал, поскольку человеческая культура, одинаковая для всех народов, как известно из истории, невозможна.

Конечно, особенно много проблем в статье возникает с народом. Видимо, исходное мнение автора таково, что русского народа как-то вовсе нет. Есть только "локальные группы населения". Нет целого народа — значит, и "русские народные песни" — или абстракция, или неестественное образование". А существует, оказывается, "множество разных видов песен" у этих самых "локальных групп населения". И песни эти — "локальные" — не известного происхождения, потому что "некоторые из этих песен, возможно, старше, чем сама Россия". И вообще национальная принадлежность песен не имеет значения (в статье отсутствуют термины "этнос", "этническое" — Н. Д.), поскольку решающим является фактор их географического происхождения: "Важно не то, что эти песни русские, а то, что они архангельские или разанские". — К сожалению, и здесь мы видим явную, откровенную тенденцию к упрощению и даже грубому извращению. Попыт-

ки возвысить значение геополитического фактора над этническим, к сожалению, уже обнаружили свою несостоятельность.

Не могу удержаться, чтобы не указать еще на один блистательный пассаж. Оказывается, репертуар ансамбля Покровского обновлялся на искусстве "высшего слоя, сельской элиты". Обнаружение этого слоя в социальной структуре крестьянства следует отнести к наиболее крупным этнологическим "открытиям" нашего времени. Это тоже следствие отрицания истинно "национального": ведь известно, что нация — очень сложный разветвленный организм, который невозможно уложить в бинарную схему "верхний — нижний". Непонятна логика автора, утверждающего, что ансамбли, которые поют аутентичную музыку "простого народа", "настоящего народа" (так в тексте. — Н. Д.), оказываются, занимают не более, а не менее, как фашистскую позицию. А в чем, собственно, фашизм? Может, в стремлении к точной реконструкции диалектного пения? Так это не фашизм, а всего-навсего "этнографическая достоверность", являющаяся первым уровнем осмысления любой диалектной певческой традиции. Ведь в отличие от утверждения (Покровского или Левина?), что "русская народная музыка есть конгломерат региональных стилей и репертуаров", на самом деле музыкальная, как и языковая, культура русского народа существует в виде совокупности диалектно-певческих систем, во многом различающихся и в то же время неразрывно связанных между собой.

На этом мне хочется остановиться в своих полемических заметках, хотя далеко не весь материал статьи оказался исчерпанным (там еще есть про "народничество", Покровского, "популизм", "воинственные казачьи танцы", про "эпос — как естественный жанр фашистских групп" и др.). Да нужно ли продолжать перечислять несуразицы, если автор продемонстрировал такой оригинальный подход к изображаемому явлению? Тем более, как мы видим, что статья не только не способствует упрочению авторитета Д. В. Покровского, но значительно его компрометирует.

Гораздо целесообразнее для дела познания, сохранения и возрождения национальной русской культуры не доказывать несведущим, сколь грубы и несправедливы их суждения, а сообщая при этом за прояснение наименее ясных сторон национальных культурных традиций, честно и открыто вступить на тернистый, но единственный путь самопознания.

Хочу выразить благодарность РМГ за публикацию материала, практически недоступного отечественному читателю. — Материала, дающего великолепный стимул к широкому обсуждению проблем, связанных с русским музыкальным фольклором и задачами его возрождения. Быть может, для начала мы зададимся вопросом, поставленным, но покинутым без ответа Т. Левиным в начале его статьи: "Почему народная музыка и герменевтика исполнения народной музыки значат так много в России?"

Н. ДАНЧЕНКОВА.